

КЛАСС!ное чтение

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Сон смешного человека

Книга для чтения с заданиями

С1

КЛАСС!ное чтение

Ф.М. Достоевский

СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

**Книга для чтения с заданиями
для изучающих русский язык как иностранный**

С1

РЯ
РУССКИЙ ЯЗЫК
КУРСЫ

МОСКВА

2017

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-96
Д70

Адаптация текста, комментарий: *Еремина Н.А.*
Задания: *Вертягина А.А.*

Достоевский, Ф.М.

Д70 Сон смешного человека. Книга для чтения с заданиями / Ф.М. Достоевский. — М.: Русский язык. Курсы. 2017. — 48 с. — (Серия «КЛАСС!ное чтение»).

ISBN 978-5-88337-601-5

В книге представлен фантастический рассказ «Сон смешного человека» великого русского писателя XIX века Ф.М. Достоевского. Молодой человек принял решение застрелиться из пистолета. Так и не решившись на роковой шаг, он неожиданно уснул. В сновидении он увидел необычный идеальный мир. Когда он проснётся, ему предстоит сделать выбор, что делать дальше.

Текст рассказа адаптирован (С1), сопровождается комментарием, заданиями на понимание прочитанного и на развитие речи. В книге приводятся наиболее интересные факты из жизни Ф.М. Достоевского.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-96

В оформлении обложки использован рисунок Т.А. Ляхович

ISBN 978-5-88337-601-5

© Издательство «Русский язык». Курсы, адаптация текста, комментарий, задания, оформление, 2017

Содержание

Предисловие	4
Фёдор Михайлович Достоевский	5
Сон смешного человека	8
Комментарий	33
Задания	34

Предисловие

Эта книга включена в серию «КЛАСС!ное чтение». В серию вошли произведения русских классиков, а также известных современных писателей. Тексты произведений адаптированы с расчётом на разные уровни обучения РКИ (А1, А2, В1, В2, С1).

В данном издании представлен фантастический рассказ «Сон смешного человека» великого русского писателя XIX века Ф.М. Достоевского. Молодой человек принял решение застрелиться из пистолета. Так и не решившись на роковой шаг, он неожиданно уснул. В сновидении он увидел необычный идеальный мир. Когда он проснётся, ему предстоит сделать выбор, что делать дальше.

В книге приводятся наиболее интересные факты из жизни Ф.М. Достоевского. Текст рассказа адаптирован (С1). После произведения дан комментарий (в тексте обозначен *), а также предлагаются вопросы и тестовые задания на понимание прочитанного, на развитие речи и задания, помогающие повторить грамматические формы, актуальные для данного уровня обучения.

Издание адресовано иностранцам, изучающим русский язык и интересующимся русской литературой.

Эта книга будет полезна всем, кто хочет совершенствовать свой русский язык.

Фёдор Михайлович Достоевский

(1821—1881)

Фёдор Михайлович Достоевский — известный русский писатель, мыслитель, публицист.

Он родился в Москве в семье врача, работающего в больнице для бедных. Детство и отрочество будущий писатель прожил на территории больницы, в квартире, которую занимала семья Достоевских. В 1837 году умирает его мать, и отец отправляет Фёдора в Петербург, где он поступает учиться в Военно-инженерное училище. В 1843 году Достоевский окончил училище. Однако военная служба не интересовала его, и через год он уходит в отставку и посвящает себя литературе. Боль, страдание и смерть, которые Достоевский близко видел до шестнадцати лет своей жизни, безусловно, нашли отражение в его творчестве. Первые произведения Достоевского (роман «Бедные люди», повести «Двойник», «Слабое сердце», «Белые ночи» и другие) проникнуты состраданием к людям и пониманием души человека.

В 1849 году произошло событие, которое на всю жизнь определило судьбу писателя. За участие в работе кружка русского революционера социалиста Петрашевского вместе с другими членами кружка Достоевского арестовали и приговорили к смертной казни. Арестованных вывели на площадь, завязали им глаза перед исполнением приговора, и в таком положении держали 25 минут, в течение которых они каждую секунду ожидали услышать команду «пли!». Затем им

развязали глаза и зачитали указ о замене смертного приговора на каторгу. Достоевский был четыре года на каторге в сибирском городе Омске, затем служил в армии рядовым солдатом. Через два года ему вернули дворянство и право печататься. Но только в конце 1850-х годов он получил разрешение на возвращение в столицу. В 1860 году Достоевский поселился в Петербурге. Четыре года, которые писатель провёл на каторге, нашли отражение в «Записках из мёртвого дома». В этом произведении хорошо видно, как сильно укрепился дух писателя, как навсегда установилась его вера в Христа.

Следующие годы жизни Достоевский посвятил творческой работе. Он пишет сатирический рассказ «Скверный анекдот» (1862), повесть «Записки из подполья» (1864) и другие небольшие произведения. Одним из них был фантастический рассказ «Сон смешного человека» (1877), который занимает значительное место в творчестве Достоевского. Кроме этого, писатель создаёт свои главные пять романов — «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1869), «Бесы» (1872), «Подросток» (1876), «Братья Карамазовы» (1880).

Ещё в конце 1879 года врачи обнаружили у Достоевского болезнь лёгких. Ему рекомендовали избегать физических нагрузок и волнений. Писатель часто работал по ночам, и 26 января 1881 года случайно уронил ручку на пол. Доставая её, сдвинул с места тяжёлую этажерку с книгами. Физическое напряжение вызвало у него кровотечение из горла. Это привело к резкому обострению болезни. Утром 28 января Достоевский сказал жене: «Я знаю, я должен сегодня умереть!» Вечером того же дня Фёдор Михайлович Достоевский скончался.

Главной заслугой Достоевского как художника и мыслителя является исследование человеческой души. Его творчество оказало огромное влияние на развитие мировой литературы. Произведения Достоевского переведены на десятки языков и сегодня с большим интересом читаются во всём мире.

СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

Фантастический рассказ

I

Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если бы я всё ещё не оставался для них таким же смешным, как и прежде. Но теперь уж я не сержусь, теперь они все мне милы, и даже когда они смеются надо мной — и тогда чем-то даже особенно милы. Я бы сам смеялся с ними, — не то что над собой, а их любя, если б мне не было так грустно, на них глядя. Грустно потому, что они не знают истины, а я знаю истину. Ох, как тяжело одному знать истину! Но они этого не поймут. Нет, не поймут.

А прежде я тосковал очень оттого, что казался смешным. Не казался, а был. Я всегда был смешон, и знаю это, может быть, с самого моего рождения. Может быть, я уже в семь лет знал, что я смешон. Потом я учился в школе, потом в университете и что же — чем больше я учился, тем больше я понимал, что я смешон. Так что для меня вся моя университетская наука как бы для того только и существовала под конец, чтобы доказывать и объяснять мне, по мере того как я в неё углублялся, что я смешон. С каждым годом нарастало и укреплялось во мне то же самое сознание о моём смешном виде во всех отношениях. Надо мной смеялись все и всегда. Но не знали они никто и не догадывались о том, что если был человек на земле,

больше всех знавший про то, что я смешон, так это был сам я, и вот это-то было для меня всего обиднее, что они этого не знают. Но тут я сам был виноват: я всегда был так горд, что ни за что и никогда не хотел никому в этом признаться.

Гордость эта росла во мне с годами, и если бы случилось так, что я перед кем-то позволил бы себе признаться, что я смешной, то, мне кажется, я тут же, в тот же вечер, раздробил бы себе голову из револьвера. О, как я страдал в моём отрочестве о том, что я не выдержу и вдруг как-нибудь признаюсь сам товарищам. Но с тех пор как я стал молодым человеком, я хоть и узнавал с каждым годом всё больше и больше о моём ужасном качестве, но почему-то стал немного спокойнее. Именно почему-то, потому что я и до сих пор не могу определить почему. Может быть, потому, что в душе моей нарастала страшная тоска по одному обстоятельству, которое было уже бесконечно выше всего меня, — это было постигшее меня одно убеждение в том, что на свете везде всё равно. Я очень давно предчувствовал это, но полное убеждение явилось в последний год как-то вдруг. Я вдруг почувствовал, что мне всё равно было бы, существовал ли бы мир или если б нигде ничего не было. Я стал слышать и чувствовать всем существом моим, что ничего при мне не было. Сначала мне всё казалось, что зато было многое прежде, но потом я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-помалу я убедился, что и никогда ничего не будет. Тогда я вдруг перестал сердиться на людей и почти стал не замечать их. Право, это обнаруживалось даже в самых мелких пустяках: я, например, случалось, идя по улице и натыкаясь на

людей. И не то чтобы от задумчивости: о чём мне было думать, я совсем перестал тогда думать: мне было всё равно. И хорошо бы я решил вопросы; о, ни одного не решил, а сколько их было? Но мне стало всё равно, и вопросы все удалились.

И вот, после того уж, я узнал истину. Истину я узнал в ноябре прошлого года, а именно третьего ноября, и с того времени я каждое мгновение моё помню. Это было в мрачный, самый мрачный вечер, какой только может быть. Я возвращался тогда в одиннадцатом часу вечера домой, и именно, помню, я подумал, что уж не может быть более мрачного времени. Даже в физическом отношении. Дождь лил весь день, и это был самый холодный и мрачный дождь, какой-то даже грозный дождь, я это помню, с явной враждебностью к людям, а тут вдруг, в одиннадцатом часу, перестал, и началась страшная сырость, стало холоднее, чем когда дождь шёл. От всего шёл какой-то пар, от каждого камня на улице и из каждого переулка, если заглянуть в него в самую глубь, подальше, с улицы. Мне вдруг представилось, что если бы потух везде газ*, то стало бы отраднее, а с газом грустнее сердцу, потому что он всё это освещает. Я в этот день почти не обедал и с раннего вечера просидел у одного инженера, а у него сидели ещё двое приятелей. Я всё молчал и, кажется, им надоел. Они говорили о чём-то волнующем и вдруг даже разгорячились. Но им было всё равно, я это видел, и они горячились только так. Я им вдруг и высказал это: «Господа*, ведь вам, говорю, всё равно». Они не обиделись, а все надо мной засмеялись. Это оттого, что я сказал без всякого упрёка, и просто потому, что мне было всё равно. Они и увидели, что мне всё равно, и им стало весело.

Когда я на улице подумал про газ, то взглянул на небо. Небо было ужасно тёмное, но явно можно было различить разорванные облака, а между ними бездонные чёрные пятна. Вдруг я заметил в одном из этих пятен звездочку и стал пристально глядеть на неё. Это потому, что эта звездочка навела меня на мысль: я решил в эту ночь убить себя. У меня это было твердо решено ещё два месяца назад, я был беден, но купил прекрасный револьвер и в тот же день зарядил его. Но прошло уже два месяца, а он всё лежал в ящике; но мне было до того всё равно, что захотелось наконец дожидаться минуты, когда будет не так всё равно, для чего так — не знаю. И, таким образом, в эти два месяца я каждую ночь, возвращаясь домой, думал, что застрелюсь. Я всё ждал минуты. И вот теперь эта звездочка навела меня на мысль, и я решил, что это будет непременно уже в эту ночь.

И вот, когда я смотрел на небо, меня вдруг схватила за локоть эта девочка. Улица уже была пуста, и никого почти не было. Вдали спал на дрожках* извозчик*. Девочка была лет восьми, в платочке и в одном платьице, вся мокрая, но я запомнил особенно её мокрые разорванные башмаки и теперь помню. Она вдруг стала дергать меня за локоть и звать. Она не плакала, но как-то отрывисто выкрикивала какие-то слова, которые не могла хорошо выговорить, потому что вся дрожала мелкой дрожью в ознобе. Она была отчего-то в ужасе и кричала отчаянно: «Мамочка! Мамочка!» Я посмотрел на неё, но не сказал ни слова и продолжал идти, а она бежала и дергала меня, и в голосе её прозвучал тот звук, который у очень испуганных детей означает отчаяние. Я знаю этот звук. Хоть она и не договаривала слова, но я понял, что её мать

где-то умирает, или что-то там с ними случилось, и она выбежала позвать кого-то, чтобы помочь маме. Но я не пошёл за ней, и, наоборот, у меня появилась вдруг мысль прогнать её. Я сначала ей сказал, чтобы она искала городского*. Но она вдруг сложила ручки и, всхлипывая, задыхаясь, всё бежала сбоку. Вот тогда-то я топнул на неё и крикнул. Она прокричала лишь: «Барин*, барин!..» — но вдруг бросила меня и стремглав перебежала улицу: там показался тоже какой-то прохожий, и она, видно, бросилась от меня к нему.

Я поднялся на мой пятый этаж, где снимал комнату. Комната у меня бедная и маленькая, а окно чердачное, полукруглое. У меня клеёнчатый диван, стол, на котором лежат книги, два стула и старое-престарое кресло, но зато вольтеровское*. Я сел, зажёл свечку и стал думать. Рядом, в другой комнате, за перегородкой, продолжался шум. Он продолжался у них уже третий день. Там жил отставной капитан*, а у него были гости — человек шесть презренных людей, они пили водку и играли в карты. В прошлую ночь была драка, и я знаю, что двое из них долго таскали друг друга за волосы. Хозяйка хотела жаловаться, но она боится капитана ужасно. Ещё в доме жила всего одна маленького роста и худенькая дама, приезжая, с тремя маленькими и заболевшими уже у нас детьми. И она, и дети тоже боятся капитана и всю ночь трясутся и крестятся, а с самым маленьким ребёнком был от страха какой-то припадок. Этот капитан, я точно знаю, останавливает иной раз прохожих на Невском* и просит на бедность. На службу его не принимают, но, странное дело (я ведь к тому и рассказываю это), капитан за весь месяц, с тех пор как живёт у нас, не возбудил во мне никакой досады. От знакомства я,

конечно, уклонился с самого начала, да ему и самому скучно со мной стало с первого же раза, но сколько бы они ни кричали за своей перегородкой и сколько бы их там ни было, — мне всегда всё равно. Я сижу всю ночь и, право, их не слышу, — до того о них забываю. Я ведь каждую ночь не сплю до самого рассвета и вот уже так год. Я просиживаю всю ночь у стола в кресле и ничего не делаю. Книжки читаю я только днём. Сижу и даже не думаю, а так, какие-то мысли бродят. Свечка сгорает за ночь вся. Я сел у стола тихо, вынул револьвер и положил перед собою. Когда я его положил, то, помню, спросил себя: «Так ли?», и совершенно утвердительно ответил себе: «Так». То есть застрелюсь. Я знал, что уж в эту ночь застрелюсь наверное, но сколько ещё просижу до тех пор за столом, — этого не знал. И уж конечно бы застрелился, если бы не та девочка.

II

Видите ли: хоть мне и было всё равно, но ведь боль-то я, например, чувствовал. Ударь меня кто, и я бы почувствовал боль. Так точно и в нравственном отношении: случись что-нибудь очень жалькое, то почувствовал бы жалость, так же как и тогда, когда мне было ещё в жизни не всё равно. Я и почувствовал жалость: уж ребёнку-то я бы непременно помог. Почему же я не помог девочке? А из одной явившейся тогда идеи: когда она дёргала и звала меня, то вдруг возник тогда передо мной вопрос, и я не мог решить его. Вопрос был праздный, но я рассердился. Рассердился вследствие того вывода, что если я уже решил, что в нынешнюю ночь с собой поконтчу, то, стало быть, мне всё на свете должно было стать теперь, более чем когда-нибудь, всё равно.

Отчего же я вдруг почувствовал, что мне не всё равно и я жалёю девочку? Я помню, что я её очень пожалёл; до какой-то даже странной боли и совсем даже невероятной в моём положении. Право, я не умею лучше передать этого моего мимолётного ощущения, но ощущение продолжалось и дома, когда уже я сидел за столом, и я очень был раздражён, как давно уже не был. Становилось ясно, что если я человек, и ещё не ноль, и пока не превратился в ноль, то живу, а следовательно, могу страдать, сердиться и ощущать стыд за свои поступки. Пусть. Но ведь если я убью себя, например, через два часа, то для чего мне девочка и какое мне тогда дело и до стыда, и до всего на свете? Я превращаюсь в ноль, в ноль абсолютный. И неужели сознание того, что я сейчас совершенно не буду существовать, а стало быть, и ничто не будет существовать, не могло иметь ни малейшего влияния ни на чувство жалости к девочке, ни на чувство стыда после сделанной подлости? Ведь я потому-то и затопал и закричал диким голосом на несчастного ребёнка, что, «как будто не только вот не чувствую жалости, но теперь и бесчеловечную подлость сделать могу, потому что через два часа всё угаснет». Верите ли, что потому и закричал? Я теперь почти убеждён в этом. Ясно представлялось, что жизнь и мир теперь как бы от меня зависят. Можно сказать даже так, что мир теперь как бы для меня одного и сделан: застрелюсь я, и мира не будет, по крайней мере для меня. Не говоря уже о том, что, может быть, и действительно ни для кого ничего не будет после меня. И весь мир, только лишь угаснет моё сознание, угаснет тотчас как призрак, как принадлежность лишь одного моего сознания, и исчезнет, ибо, может быть, весь этот мир и все эти люди — я-то сам один и есть.

Помню, что, сидя и рассуждая, я поворачивал все эти новые вопросы совсем в другую сторону и выдумывал совсем уж новое. Например, мне вдруг представилась одна странная мысль, что если бы я жил прежде на луне или на Марсе и сделал бы там какой-нибудь самый непристойный и бесчестный поступок, какой только можно себе представить, и был там за него поруган и обещен так, как только можно ощутить и представить лишь разве иногда во сне, в кошмаре. И если бы, очутившись потом на земле, я продолжал бы сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не возвращусь, то, смотря с земли на луну, — было бы мне всё равно или нет? Ощущали бы я за тот поступок стыд или нет? Вопросы были праздные и лишние, так как револьвер лежал уже передо мною, и я всем существом моим знал, что это будет наверное, но они возбуждали меня, и я бесился. Я как бы уже не мог умереть теперь, чего-то не решив предварительно.

Одним словом, эта девочка спасла меня, потому что я вопросами отдалил выстрел. У капитана же между тем стало тоже всё утихать: они кончили играть в карты, устраивались спать, а пока ворчали и лениво доругивались. Вот тут-то я вдруг и заснул, чего никогда со мной не случалось прежде, за столом в кресле. Я заснул совершенно для меня незаметно. Сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, а через другое перескакиваешь, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время. Сны, кажется, создаёт не рассудок, а желание, не голова, а сердце, а между тем какие хитрейшие вещи проделывал иногда

мой рассу́док во сне! Ме́жду тем с ним происхо́дят во сне ве́щи совсе́м непостижи́мые. Мой брат, напри-
ме́р, у́мер пять лет наза́д. Я иногда́ его́ ви́жу во сне:
он принима́ет уча́стие в мои́х дела́х, а ме́жду тем я
во сне зна́ю и по́мню, что брат мой у́мер и похоро́нен.
Как же я не удивля́юсь тому́, что он хоть и ме́ртвый, а
все́-таки тут во́зле меня́ и со мной хлопóчет? Почему́
ра́зум мой соверше́нно допуска́ет все́ это? Но дово́льно.
Приступа́ю ко сну моему́. Да, мне присни́лся тогда́
э́тот сон, мой сон тре́тьего ноября́! Они́ дразнят меня́
тепе́рь тем, что ве́дь э́то был то́лько сон. Но неужели́
не все́ равно́, сон и́ли нет, е́сли сон э́тот предска́зал
мне Исти́ну? Ве́дь е́сли раз узна́л и́стину и уви́дел
её, то ве́дь зна́ешь, что она́ и́стина и друго́й нет и не
мо́жет быть, спи́те вы и́ли живёте. Ну и пусть сон, и
пусть, но э́ту жизнь, кото́рую вы так превозно́сите, я
хотел погаси́ть самоуби́йством, а сон мой, сон мой, —
о, он предска́зал мне но́вую, вели́кую, обновлё́нную,
си́льную жизнь!

Слу́шайте.

III

Я сказа́л, что засну́л незаме́тно и да́же как бы про-
должа́я рассу́ждать о тех же мате́риях. Вдруг при-
сни́лось мне, что я беру́ револьве́р и, си́дя, направля́ю
его́ пра́мо в се́рдце — в се́рдце, а не в го́лову; я же
реши́л пре́жде непременно́ застрели́ться в го́лову
и и́менно в пра́вый висок. Я подожда́л секун́ду и́ли
две, и свечка́ моя́, стол и стена́ передо мно́ю вдруг
задвигались и заколыха́лись. Я поскорее́ вы́стрелил.

Во сне вы па́даете иногда́ с высоты́, и́ли ре́жут вас,
и́ли бьют, но вы никогда́ не чу́вствуете бо́ли, крóме

разве если сами как-нибудь действительно ушибётесь в кровати, тут вы почувствуете боль и всегда почти от боли проснётесь. Так и во сне моём: боли я не почувствовал, но мне показалось, что с выстрелом моим всё во мне сотряслось и всё вдруг потухло, и стало вокруг меня ужасно чёрно. Я как будто ослеп и онемёл, и вот я лежу на чём-то твёрдом, ничего не вижу и не могу сделать ни малейшего движения. Кружком ходят и кричат, громко говорит капитан, визжит хозяйка, — и вдруг опять перерыв, и вот уже меня несут в закрытом гробу. И я чувствую, как колыхается гроб, и рассуждаю об этом, и вдруг меня в первый раз поражает идея, что ведь я умер, совсем умер. Знаю это и не сомневаюсь, не вижу и не двигаюсь, а между тем чувствую и рассуждаю. Но я скоро мирюсь с этим и, по обыкновению, как во сне, принимаю действительность без спора.

И вот меня зарывают в землю. Все уходят, я один, совершенно один. Я не двигаюсь. Всегда, когда я прежде наяву представлял себе, как меня похоронят в могиле, то с могилкой соединял лишь одно ощущение сырости и холода. Так и теперь я почувствовал, что мне очень холодно, особенно кончикам пальцев на ногах, но больше ничего не почувствовал.

Я лежал и, странно, — ничего не ждал, понимая, что мёртвому ждать нечего. Но было сыро. Не знаю, сколько прошло времени, — час, или несколько дней, или много дней. Но вот вдруг на левый закрытый глаз мой упала просочившаяся через крышу гроба капля воды, за ней через минуту другая, затем через минуту третья, и так далее, и так далее, все через минуту. Глубокое негодование загорелось вдруг в сердце моём, и вдруг я почувствовал в нём физическую боль: «Это рана моя, — подумал я, — это выстрел, там пуля...»

А капля всё капала, каждую минуту и прямо на закрытый мой глаз. И я вдруг воззвал, не голосом, ибо был недвижим, но всем существом моим к властителю всего того, что совершалось со мною: «Кто бы ты ни был, но если ты есть и если существует что-нибудь разумнее того, что теперь совершается, то позволь ему быть и здесь. Если же ты мстишь мне за неразумное самоубийство моё — безобразием и нелепостью дальнейшего бытия, то знай, что никогда и никакому мучению, какое бы ни постигло меня, не сравниться с тем презрением, которое я буду молча ощущать, хотя бы в продолжение миллионов лет мученичества!..»

Я воззвал и смолк. Целую почти минуту продолжалось глубокое молчание, и даже ещё одна капля упала, но я знал, я знал и верил, что непременно сейчас всё изменится. И вот вдруг раскрылась могила моя. То есть я не знаю, была ли она раскрыта и раскопана, но я был взят каким-то тёмным и неизвестным мне существом, и мы очутились в пространстве.

Я вдруг прозрёл: была глубокая ночь, и никогда, никогда ещё не было такой темноты! Мы неслись в пространстве уже далеко от земли. Я не спрашивал того, кто нес меня, ни о чём, я ждал и был горд. Я уверял себя, что не боюсь, и замирал от восхищения при мысли, что не боюсь. Я не помню, сколько времени мы неслись, и не могу представить: совершалось всё так, как всегда во сне, когда перескакиваешь через пространство и время и через законы бытия и рассудка. Я помню, что вдруг увидел в темноте одну звёздочку. «Это Сириус*?» — спросил я, вдруг не удержавшись, ибо я не хотел ни о чём спрашивать. — «Нет, это та самая звезда, которую ты видел между облаками, возвращаясь домой», — отвечало мне

существо, уносившее меня. Я знал, что оно имело как бы облик человеческий. Странное дело, я не любил это существо, даже чувствовал глубокое отвращение. Я ждал совершенного небытия и для того выстрелил себе в сердце. И вот я в руках существа, конечно, не человеческого, но оно есть, существует: «А, стало быть, есть и за гробом жизнь!» — подумал я со странным легкомыслием сна, но сущность сердца моего оставалась со мною во всей глубине: «И если надо быть снова, — подумал я, — и жить опять по чьей-то неустрашимой воле, то не хочу, чтобы меня победили и унизили!» — «Ты знаешь, что я боюсь тебя, и за то презираешь меня», — сказал я вдруг моему спутнику, не удержавшись от унижительного вопроса, в котором заключалось признание, и ощутив, как укол булавки, в сердце моём унижение моё. Он не ответил на вопрос мой, но я вдруг почувствовал, что меня не презирают, и надо мной не смеются, и даже не жалуют меня, и что путь наш имеет цель, неизвестную и таинственную и касающуюся одного меня. Страх нарастал в моём сердце. Что-то без слов, но с мучением сообщалось мне от моего молчащего спутника и как бы пронзало меня. Мы неслись в тёмных и неведомых пространствах. Я давно уже перестал видеть знакомые глазу созвездия. Я знал, что есть такие звёзды в небесных пространствах, от которых лучи доходят на землю лишь за тысячи и миллионы лет. Может быть, мы уже пролетали эти пространства. Я ждал чего-то в страшной, измучившей моё сердце тоске. И вдруг какое-то знакомое и в высшей степени зовущее чувство потрясло меня: я увидел вдруг наше солнце! Я знал, что это не могло быть наше солнце, породившее нашу землю, и что мы от нашего солнца на бесконечном расстоянии,

но я узнал почему-то, всем существом моим, что это совершенно такое же солнце, как и наше, повторение его и двойник его. Сладкое, зовущее чувство зазвучало восторгом в душе моей: родная сила света, того же, который родил меня, отозвалась в моем сердце и воскресила его, и я ощутил жизнь, прежнюю жизнь, в первый раз после моей смерти.

— Но если это — солнце, если это совершенно такое же солнце, как наше, — вскричал я, — то где же земля? — и мой спутник указал мне на звездочку, сверкавшую в темноте изумрудным блеском. Мы неслись прямо к ней.

— И неужели возможны такие повторения во вселенной, неужели таков природный закон?.. И если это там земля, то неужели она такая же земля, как и наша... совершенно такая же, несчастная, бедная, но дорогая и вечно любимая и такую же мучительную любовь рождающая к себе в самых неблагодарных даже детях своих, как и наша?.. — вскрикивал я, сотрясаясь от неудержимой, восторженной любви к той родной прежней земле, которую я покинул. Образ бедной девочки, которую я обидел, промелькнул передо мною.

— Увидишь всё, — ответил мой спутник, и какая-то печаль послышалась в его слове.

Но мы быстро приближались к планете. Она становилась виднее, я уже различал океан, очертания Европы, и вдруг странное чувство какой-то великой, святой ревности возгорелось в сердце моем: «Как может быть подобное повторение и для чего? Я люблю, я могу любить лишь ту землю, которую я оставил, на которой остались брызги крови моей, когда я, неблагодарный, выстрелом в сердце погасил мою жизнь. Но никогда,

никогда не переставал я любить ту землю, и даже в ту ночь, расставаясь с ней, я, может быть, любил её мучительнее, чем когда-либо. Есть ли мучение на этой новой земле? На нашей земле мы истинно можем любить лишь с мучением и только через мучение! Мы иначе не умеем любить и не знаем иной любви. Я хочу, я жажду в эту минуту целовать, обливаясь слезами, лишь одну ту землю, которую я оставил, и не хочу, не принимаю жизни ни на какой иной!..»

Но спутник мой уже оставил меня. Я вдруг, совсем как бы для меня незаметно, стал на этой другой земле в ярком свете солнечного, прелестного как рай дня. Я стоял, кажется, на одном из тех островов, которые составляют на нашей земле Греческий архипелаг, или где-нибудь на побережье материка, прилегающего к этому архипелагу. О, всё было точно так же, как у нас, но, казалось, всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством. Ласковое изумрудное море тихо плескалось о берега и целовало их с любовью, явной, видимой, почти сознательной. Высокие, прекрасные деревья стояли во всей роскоши своего цвета, а бесчисленные листочки их, я убежден в том, приветствовали меня тихим, ласковым своим шумом и как бы выговаривали какие-то слова любви. Трава сверкала яркими ароматными цветами. Птички стаями перелетали в воздухе и, не боясь меня, садились мне на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками. И наконец, я увидел и узнал людей счастливой земли этой. Они пришли ко мне сами, они окружили меня, целовали меня. Дети солнца, дети своего солнца, — о, как они были прекрасны! Никогда я не видел на нашей земле такой красоты

в челове́ке. То́лько лишь в де́тях на́ших, в са́мые пе́рвые го́ды их жи́зни, мо́жно бы бы́ло найт́и отдалён-ный, хотя́ и сла́бый о́тблеск красото́й э́той. Глаза́ э́тих счастли́вых люде́й сверка́ли я́сным блеском. Ли́ца их сия́ли ра́зумом и ка́ким-то споко́йным созна́нием, но ли́ца э́ти бы́ли ве́селы; в слова́х и голосо́х э́тих люде́й звуча́ла де́тская ра́дость. О, я тотча́с же, при пе́рвом взгля́де на их ли́ца, по́нял всё, всё! Э́то была́ земля́, не осквернённая грехопаде́нием, на ней жи́ли лю́ди не согреши́вшие, жи́ли в тако́м же раю́, в како́м жи́ли, по преда́ниям всего́ челове́чества, и на́ши согреши́вшие прароди́тели, с то́ю то́лько ра́зницей, что вся земля́ здесь была́ повсю́ду оди́м ра́ем. Э́ти лю́ди, ра́достно смея́сь, обнима́ли и ласка́ли меня́; они́ увели́ меня́ к себе́, и вся́кому из них хоте́лось успоко́ить меня́. О, они́ не расспра́шивали меня́ ни о чём, но как бы всё уже́ зна́ли, так мне ка́зало́сь, и им хоте́лось согна́ть поскорее́ страда́ние с ли́ца моего́.

IV

Пусть э́то был то́лько сон! Но о́щущение любви́ э́тих неви́нных и прекра́сных люде́й оста́лось во мне наве́ки, и я чу́вствую, что их лю́бовь излива́ется на меня́ и тепе́рь отту́да. Я ви́дел их сам, позна́л и убедил́ся, я любил́ их, я страда́л за них пото́м. О, я тотча́с же по́нял, да́же тогда́, что во мно́гом не пойму́ их во́все; мне, как современ́ному ру́сскому прогрессисту́ и петербуржцу́, ка́зало́сь неразрешимым то, наприме́р, что они́, зная́ столь мно́го, не имее́ют представле́ния о на́шей нау́ке. Но я ско́ро по́нял, что зна́ние их восполня́лось и пита́лось ины́ми проникнове́ниями, чем у нас на земле́, и что стремле́ния их бы́ли то́же совсе́м ины́е.

Онѣ не желали ничего и были спокойны, онѣ не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать её, потому что жизнь их была восполнена. Но знаніе их было глубже, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объясненія, что такое жизнь, сама стремится осознать её, чтобы научить других жить; онѣ же и без науки знали, как им жить, и это я понял. Онѣ указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которой онѣ смотрели на них: как будто онѣ говорили с подобными себе существами. И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что онѣ говорили с ними! Да, онѣ нашли их язык, и убеждён, что те понимали их. Так смотрели онѣ и на всю природу — на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их. Онѣ указывали мне на звёзды и говорили о них со мною о чём-то, чего я не мог понять, но я убеждён, что онѣ как бы чём-то соприкасались с небесными звёздами, не мыслью только, а каким-то живым путём.

О, эти люди и не добивались, чтобы я понимал их, онѣ любили меня и без этого, но зато я знал, что и онѣ никогда не поймут меня, а потому почти и не говорил им о нашей землѣ. Я лишь целовал при них ту землю, на которой онѣ жили, и без слов обожал их самих, и онѣ видели это и давали себя обожать. Онѣ не страдали за меня, когда я, в слезах, порою целовал их ноги, радостно зная в сердце своём, какою силой любви онѣ мне отвѣтят. Порою я спрашивал себя с удивлением: как могли онѣ, за всё время, не оскорбить такого, как я, и ни разу не возбудить в таком, как я, чувство ревности и зависти? Много раз я спрашивал себя, как мог я, хвастун и лжец, не говорить им о моих познаниях, о которых, конечно, онѣ не имели

понятия, не желать удивить их хотя бы только из любви к ним? Они были резвы и веселы как дети. Они блуждали по своим прекрасным рощам и лесам, они пели свои прекрасные песни, они питались легкой пищей, плодами своих деревьев, мёдом лесов своих и молоком любивших их животных. Для пищи и для одежды своей они трудились лишь немного. У них была любовь и рождались дети, но никогда я не замечал в них порывов того жестокого сладострастия, которое постигает почти всех на нашей земле, всех и всякого, и служит единственным источником почти всех грехов нашего человечества. Они радовались появлявшимся у них детям как новым участникам в их блаженстве. Между ними не было ссор и не было ревности, и они не понимали даже, что это значит. У них почти совсем не было болезней, хоть и была смерть; но старики их умирали тихо, как бы засыпая, окружённые прощавшимися с ними людьми, благословляя их, улыбаясь им и сами напугуемые их светлыми улыбками. Скорби, слёз при этом я не видел. Подумать можно было, что они соприкасались ещё с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертью. Они почти не понимали меня, когда я спрашивал их про вечную жизнь, но, видимо, были в ней до того убеждены, что это не составляло для них вопроса. У них не было храмов, но у них было какое-то живое и непрерывное единение со вселенной; у них не было веры, зато было твёрдое убеждение, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, ещё большее соприкосновение со вселенной. Они ждали этого мгновения с радостью и

сообщали об этом друг другу. По вечерам, перед сном, они любили петь хором. В этих песнях они передавали все ощущения, которые остались от прошедшего дня, славили его и прощались с ним. Они славили природу, землю, море, лес. Они любили слагать песни друг о друге и хвалили друг друга как дети. Это были самые простые песни, но они были от сердца и проникали в сердца. Да и не в песнях одних, а, казалось, и всю жизнь свою они проводили лишь в том, что любовались друг другом. Это была какая-то влюблённость друг в друга, всецелая, всеобщая. Иных же их песен, торжественных и восторженных, я почти не понимал вовсе. Понимая слова, я никогда не мог проникнуть в их значение. Оно оставалось как бы недоступно моему уму, зато сердце моё как бы проникалось им безотчётно и всё более и более.

Я часто говорил им, что я всё это давно уже прежде предчувствовал ещё на нашей земле. Что я предчувствовал всех их и славу их в снах моего сердца и в мечтах ума моего, что я часто не мог смотреть, на земле нашей, на заходящее солнце без слёз... Они слушали меня, и я видел, что они не могли представить себе то, что я говорю, но я не жалел, что им говорил о том: я знал, что они понимают всю силу тоски моей о тех, кого я покинул. Да, когда они глядели на меня своим милым проникнутым любовью взглядом, когда, я чувствовал, что при них и моё сердце становилось столь же невинным и правдивым, как и их сердца, то и я не жалел, что не понимаю их. От ощущения полноты жизни у меня захватывало дух, и я молча молился о них.

О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, что во сне нельзя видеть такие подробности, какие

я передаю теперь, что во сне моём я видел или почувствовал лишь одно ощущение, а подробности уже сам сочинил проснувшись. И когда я открыл им, что, может быть, в самом деле так было, — боже, как им стало весело!

Но как же мне не верить, что всё это было? Было, может быть, в тысячу раз лучше, светлее и радостнее, чем я рассказываю? Пусть это сон, но всё это не могло не быть. Знаете ли, я скажу вам по секрету: всё это, быть может, было вовсе не сон. Ибо тут случилось нечто такое истинное, что это не могло бы присниться. Пусть сон мой породило сердце моё, но разве одно сердце моё в силах было породить ту ужасную правду, которая потом случилась со мной? Как бы мог я её один выдумать? Неужели же сердце моё и капризный, ничтожный ум мой могли возвыситься до такого откровения правды! О, судите сами: я до сих пор скрывал, но теперь доскажу и эту правду. Дело в том, что я... развратил их всех!

V

Да, да, кончилось тем, что я развратил их всех! Как это могло совершиться — не знаю, не помню ясно. Сон пролетел через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого. Знаю только, что причиною грехопадения был я. Как скверная болезнь, как атом чумы, заражающий целые государства, так и я заразил собой всю эту счастливую, безгрешную до меня землю. Они научились лгать и полюбили ложь, и познали красоту лжи. О, это, может быть, началось невинно, с шутки, с кокетства, с любовной игры, в самом деле, может быть, с атома, но этот атом лжи

проник в их сердца и понравился им. Затем быстро родилось сладострастие, сладострастие породило ревность, ревность — жестокость... О, не знаю, не помню, но скоро, очень скоро брызнула первая кровь: они удивились и ужаснулись, и стали расходиться, разъединяться. Появились союзы, но уже друг против друга. Начались укоры, упрёки. Они узнали стыд и стыд возвели в добродетель. Родилось понятие о чести, и в каждом союзе поднялось своё знамя. Они стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали им врагами. Началась борьба за разъединение, за обособление, за личность, за моё и твоё. Они стали говорить на разных языках. Они познали скорбь и полюбили скорбь, они жаждали мучения и говорили, что Истина достигается лишь мучением. Тогда у них появилась наука. Когда они стали злы, то начали говорить о братстве и гуманности и поняли эти идеи. Когда они стали преступны, то изобрели справедливость и предписали себе целые кодексы, чтобы сохранить справедливость, а для обеспечения кодексов поставили гильотину. Они лишь немного помнили о том, что потеряли, даже не хотели верить тому, что были когда-то невинны и счастливы. Они смеялись даже над возможностью этого прежнего их счастья и называли его мечтой. Но, странное и чудесное дело: утратив всякую веру в бывшее счастье, назвав его сказкой, они до того захотели быть невинными и счастливыми вновь, что, как дети, боготворили это желание, построили храмов. Они стали молиться своей же идее, своему же «желанию», в то же время вполне веруя в неисполнимость и неосуществимость его, но со слезами обожая его и поклоняясь ему.

И однако, если бы только могло так случиться, чтобы они возвратились в то невинное и счастливое состояние, которое они утратили, и если бы кто вдруг им показал его вновь и спросил их, хотят ли они возвратиться к нему? — то они наверное бы отказались. Они отвечали мне: «Пусть мы лживы, злы и несправедливы, мы знаем это и плачем об этом, и мучаем себя за это сами, и истязаем себя и наказываем больше, чем даже, может быть, тот милосердный Судья, который будет судить нас и имени которого мы не знаем. Но у нас есть наука, и через неё мы отыщем вновь истину, но примем её уже сознательно. Знание выше чувства, сознание жизни — выше жизни. Наука даст нам премудрость, премудрость откроет законы, а знание законов счастья — выше счастья».

Вот что говорили они, и после слов таких каждый возлюбил себя больше всех, да и не могли они иначе сделать. Каждый стал столь ревнив к своей личности, что изо всех сил старался унижить и умалить её в других. Явилось рабство, явилось даже добровольное рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогали им давить ещё более слабых, чем они сами. Явились праведники, которые приходили к этим людям со слезами и говорили им об их гордости, о потере меры и гармонии, об утрате ими стыда. Над ними смеялись или били камнями. Святая кровь лилась на порогах храмов. Зато стали появляться люди, которые начали придумывать: как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы и в согласном обществе.

Цѣлыя войны поднялись из-за этой идеи. Все воюющие твердо верили в то же время, что наука, премудрость и чувство самосохранения заставят наконец человека соединиться в согласное и разумное общество. А потому пока, для ускорения дела, «премудрые» старались поскорее истребить всех «непремудрых» и не понимающих их идею. Но чувство самосохранения стало быстро ослабевать, явились гордецы и сладострастники, которые прямо потребовали всего или ничего. Для приобретения всего прибегали к злодейству, а если оно не удавалось — к самоубийству. Явились религии с культом небытия и саморазрушения ради вечного успокоения в ничтожестве. Наконец эти люди устали в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Они воспели страдание в песнях своих.

Я ходил между ними, ломая руки, и плакал над ними, но любил их, может быть, ещё больше, чем прежде, когда на лицах их ещё не было страдания и когда они были невинны и столь прекрасны. Я полюбил осквернённую ими землю ещё больше, чем когда она была раем, за то лишь, что на ней появилось горе. Увы, я всегда любил горе и скорбь, но лишь для себя, для себя, а о них я плакал, жалея их. Я простира́л к ним руки, в отчаянии обвиняя, проклиная и презирая себя. Я говорил им, что всё это сделал я, я один, что это я им принёс разврат, заразу и ложь! Я умолял их, чтобы они распяли меня на кресте, я учил их, как сделать крест. Я не мог, не в силах был убить себя сам, но я хотел принять от них муки, я жаждал мук, жаждал, чтобы в этих муках пролита была моя кровь до капли. Но они лишь смеялись надо мной и стали меня считать

под конец юридическим*. Они оправдывали меня, они говорили, что получили лишь то, чего сами желали. Наконец, они объявили мне, что я становлюсь им опасен и что они посадят меня в сумасшедший дом*, если я не замолчу. Тогда скорбь вошла в мою душу с такою силой, что сердце моё сжалось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся.

* * *

Было уже утро, то есть ещё не рассвело, но было около шести часов. Я очнулся в том же кресле, свечка моя догорела вся, у капитана спали, и кругом была редкая в нашей квартире тишина. Первым делом я вскочил в чрезвычайном удивлении; никогда со мной не случалось ничего подобного: никогда ещё не засыпал я, например, так в моём кресле. Тут вдруг, пока я стоял и приходил в себя, — вдруг мелькнул передо мной мой револьвер, готовый, заряженный, — но я в один миг оттолкнул его от себя! О, теперь жизни и жизни! Я поднял руки и воззвал к вечной истине; не воззвал, а заплакал; восторг, неизмеримый восторг поднимал всё существо моё. Да, жизнь, и — проповедь! О проповеди я решил в ту же минуту и, уж конечно, на всю жизнь! Я иду проповедовать, я хочу проповедовать, — что? Истину, ибо я видел её, видел своими глазами, видел всю её славу!

И вот с тех пор я и проповедую! Кроме того — люблю всех, особенно тех, кто надо мной смеётся, больше остальных. Почему это так — не знаю и не могу объяснить, но пусть так и будет. Они говорят, что я уж и теперь сбиваюсь, то есть коль уж и теперь сбился так, что ж дальше-то будет? Правда истинная:

я сбиваюсь, и, может быть, дальше пойдёт ещё хуже. И, уж конечно, собьюсь несколько раз, пока отыщу, как проповедовать, то есть какими словами и какими делами, потому что это очень трудно исполнить. Я ведь и теперь всё это ясно вижу, но послушайте: кто же не сбивается! А между тем ведь все идут к одному и тому же, по крайней мере все стремятся к одному и тому же, от мудреца до последнего разбойника, только разными дорогами. Старая это истина, но вот что тут новое: я и сбиться-то очень не могу. Потому что я видел истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются. Но как мне не верить: я видел истину, — не то что придумал, а видел, видел, и живой образ её наполнил душу мою навеки. Я видел её в такой целостности, что не могу поверить, чтобы её не могло быть у людей. Итак, как же я собьюсь? Уклонюсь, конечно, даже несколько раз, и буду говорить даже, может быть, чужими словами, но ненадолго: живой образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит.

Знаете, я хотел даже скрыть вначале, что я развратил их всех, но это была ошибка, — вот уже первая ошибка! Но истина шепнула мне, что я лгу, и поправила меня и направила. Но как устроить рай — я не знаю, потому что не умею передать словами. После сна моего потерял слова. По крайней мере, все главные слова, самые нужные. Но пусть: я пойду и буду говорить, неустанно, потому что я всё-таки видел, хотя и не умею пересказать, что я видел. Но вот этого насмешники и не понимают: «Сон видел, бред,

галлюцинацию». Эх! Неужто это премудро? А они так гордятся! Сон? что такое сон? А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), — ну, а я всё-таки буду проповедовать. А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час — всё бы сразу устроилось! Главное — любите других как себя, вот что главное, и это всё, больше ничего не надо. А между тем ведь это только — старая истина, которую биллион раз повторяли и читали! «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья — выше счастья» — вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас всё устроится.

* * *

А ту маленькую девочку я отыскал... И пойду!
И пойду!

1877 год

Комментáрий

Поту́х вездé газ здéсь: речь идёт о газовых фонарях, которые освещали улицы городов с начала XIX века до появления электрических фонарём.

Господин — человек из привилегированного общества.

Дро́жки — лёгкий четырёхколёсный открытый рессорный экипаж на 1—2 человек.

Извозчик — тот, кто правит наёмным экипажем.

Городовой — в России с 1862 по 1917 год: работник полиции.

Ба́рин — в России до 1917 года: представитель привилегированного общества.

Вольте́ровское крёсло — большое глубокое кресло с высокой спинкой. По фамилии французского писателя и философа Вольтера (1694—1778), работающего, сидя в таком кресле.

Отставной капитан — уволившийся со службы.

Не́вский, Не́вский проспеќт — главная улица Санкт-Петербурга.

Си́риус — ярчайшая звезда ночного неба.

Юродивый здéсь: психически больной.

Сумасше́дший дом — учреждения для лечения людей с психическими расстройствами.

Задания

Проверьте, как вы поняли текст

Ответьте на вопросы.

1. Что говорит о себе главный герой в начале рассказа?
2. В какой момент он решил убить себя?
3. Кого встретил главный герой по дороге домой? Какое влияние на него оказала эта встреча?
4. Что произошло со «смешным человеком», когда он сидел за столом в кресле, обдумывая предстоящее самоубийство?
5. С чего начался сон главного героя?
6. Куда уносило героя загадочное существо из сна?
7. Какими были люди с далёкой планеты? Какими качествами они обладали?
8. Что произошло с «детьми лета» под влиянием главного героя?
9. Что собирались сделать люди из сна со «смешным человеком» перед тем, как он проснулся?
10. Чему решает посвятить свою жизнь «смешной человек» в конце рассказа?

Отметьте предложения, где написана правда → **П**, а где написана неправда → **Н**.

1. Главный герой решил убить себя, когда увидел в небе звёздочку.
2. Главный герой не жалел о том, что не помог маленькой девочке.
3. Во сне «смешной человек» убил себя выстрелом в голову.
4. Местом, в котором оказался главный герой во сне, была земля, не осквернённая грехопадением.
5. После пробуждения главный герой понял, что он так и не узнал истину.

Найдите в тексте.

1. Описание погоды третьего ноября.
2. Описание внешнего вида девочки и её поведения.
3. Первые ощущения главного героя после того, как он выстрелил в себя во сне.
4. Встреча «смешного человека» с обитателями далёкой планеты.

Выполните тест.

Выберите правильный вариант ответа к каждому из заданий и отметьте его в рабочей матрице. Проверьте себя по контрольной матрице. (Ответы смотрите в конце книги.)

Образец:

1	A	B	B
---	---	---	---

1. В начале рассказа главный герой говорит о том, что
(A) он знает истину
(B) он не знает истины
(B) он ищет смысл жизни
2. Главный герой понял, что он смешон
(A) когда стал взрослым
(B) в раннем детстве
(B) во время учёбы в университете
3. В душе «смешного человека» нарастала страшная тоска, так как его постигло убеждение в том, что
(A) его судьба predetermined
(B) он презренный человек
(B) на свете везде всё равно
4. По дороге домой «смешной человек» замечает на небе звёздочку и решает
(A) начать новую жизнь
(B) убить себя
(B) уехать из города
5. Когда главный герой смотрел на небо,
(A) ему что-то закричал извозчик
(B) его позвал знакомый инженер
(B) его схватила за локоть маленькая девочка

6. Главный герой
(А) пожалел девочку и позвал её к себе домой
(Б) топнул и закричал на девочку
(В) согласился помочь девочке
7. Сидя у себя в комнате за столом, «смешной человек» не переставал думать о
(А) маленькой девочке и жалости к ней
(Б) вечере, проведённом у инженера
(В) звёздочке, которую он увидел в небе
8. Когда шум в соседней комнате стал утихать, главный герой
(А) подумал о том, что звук выстрела может привлечь внимание соседей
(Б) решил убить себя в другой день
(В) неожиданно заснул
9. Во сне «смешной человек» выстрелил себе
(А) в голову
(Б) в живот
(В) в сердце
10. Находясь в гробу, главный герой ощущает
(А) что ему нечем дышать
(Б) сырость и холод
(В) жар
11. «Смешной человек» нёсся в пространстве с
(А) группой ангелов
(Б) неведомым существом
(В) такими же людьми, как он сам
12. Когда главный герой увидел солнце, он
(А) почувствовал, что вот-вот ослепнет от его света
(Б) снова ощутил жизнь
(В) захотел внимательно рассмотреть его вблизи
13. «Смешной человек» приземляется на
(А) солнце
(Б) «другой» земле
(В) луне
14. Жизнь в том месте, где оказался главный герой,
(А) была похожа на рай

- (Б) ничем не отличалась от привычной для него жизни
 (В) не была спокойной из-за войн
15. «Дети солнца» жили в атмосфере
 (А) страха
 (Б) гармонии и любви
 (В) лжи и ненависти
16. Идеальный мир «детей солнца» разрушил
 (А) «смешной человек»
 (Б) жестокий правитель
 (В) всемирный потоп
17. Чтобы принять наказание, главный герой просил «детей солнца»
 (А) отрубить ему голову
 (Б) распять его на кресте
 (В) сбросить его со скалы в море
18. После пробуждения герой
 (А) отказывается от идеи о самоубийстве
 (Б) продолжает подготовку к самоубийству
 (В) кончает жизнь самоубийством

Рабочая матрица

1	А	Б	В
2	А	Б	В
3	А	Б	В
4	А	Б	В
5	А	Б	В
6	А	Б	В
7	А	Б	В
8	А	Б	В
9	А	Б	В

10	А	Б	В
11	А	Б	В
12	А	Б	В
13	А	Б	В
14	А	Б	В
15	А	Б	В
16	А	Б	В
17	А	Б	В
18	А	Б	В

Лексико-грамматические задания

1. Выберите правильный вариант употребления падежной формы, неправильный вариант зачеркните.

Образец: Я возвращался тогда в одиннадцатом **часу** / ~~часе~~ вечера домой, и именно, помню, я подумал, что уж не может быть более мрачного времени.

1. Я в этот день почти не обедал и с раннего вечера просидел у одного инженера, а у него сидели ещё двое **приятеля** / **приятелей**.

2. И вот, когда я смотрел на небо, меня вдруг схватила за **локоть** / **локтя** маленькая девочка.

3. Я сказал, что заснул незаметно и даже как бы продолжая рассуждать о тех же **материй** / **материях**.

4. Так и теперь я почувствовал, что мне очень холодно, особенно кончикам **пальцев** / **пальцам** на ногах, но больше ничего не почувствовал.

5. Они стали мучить животных, и животные удалились от них в леса и стали им **врагами** / **врагов**.

6. Я полюбил осквернённую ими землю ещё больше, чем когда она была **раем** / **рай**, за то лишь, что на ней появилось горе.

2. Выберите глагол несовершенного или совершенного вида, неправильный вариант зачеркните.

Образец: Гордость эта росла во мне с годами, и если бы **случалось** / **случилось** так, что я перед кем-то позволил бы себе признаться, что я смешной, то, мне кажется, я тут же, в тот же вечер, раздробил бы себе голову из револьвера.

1. Истину я **узнал** / **узнавал** в ноябре прошлого года, а именно третьего ноября, и с того времени я каждое мгновение моё помню.

2. Мне вдруг **представилось / представлялось**, что если бы потух везде газ, то стало бы отраднее, а с газом грустнее сердцу, потому что он всё это освещает.

3. Всегда, когда я прежде наяву **представлял / представил** себе, как меня похоронят в могиле, то с могилкой соединял лишь одно ощущение сырости и холода.

4. Целую почти минуту **продолжилось / продолжалось** глубокое молчание, и даже ещё одна капля упала, но я знал и верил, что непременно сейчас всё изменится.

5. Но ощущение любви этих невинных и прекрасных людей **оставалось / осталось** во мне навеки, и я чувствую, что их любовь изливается на меня и теперь оттуда.

6. Наконец эти люди **уставали / устали** в бессмысленном труде, и на их лицах появилось страдание, и эти люди провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль.

3. Выберите правильный вариант употребления глаголов движения с приставками, неправильный вариант зачеркните.

Образец: Хоть она и не договаривала слова, но я понял, что её мать где-то умирает, или что-то там с ними случилось, и она **выбежала / отбежала** позвать кого-то, чтобы помочь маме.

1. Но я не **перешёл / пошёл** за ней, и, наоборот, у меня появилась вдруг мысль прогнать её.

2. Птички стаями **влетали / перелетали** в воздухе и, не боясь меня, садились мне на плечи и на руки и радостно били меня своими милыми, трепетными крылышками.

3. Они **пришли / отошли** ко мне сами, они окружили меня, целовали меня.

4. Сон **пролетел / улетел** через тысячелетия и оставил во мне лишь ощущение целого.

5. Тогда скорбь **вошла / ушла** в мою душу с такой силой, что сердце моё сжалось, и я почувствовал, что умру, и тут... ну, вот тут я и проснулся.

4. Выберите правильный вариант употребления глаголов с приставками, неправильный вариант зачеркните.

Образец: Когда я на улице ~~задумал~~ / **подумал** про газ, то взглянул на небо.

1. Хотя она и не ~~отговаривала~~ / **договаривала** слова, но я понял, что её мать где-то умирает, или что-то там с ними случилось, и она выбежала позвать кого-то, чтобы помочь маме.

2. Но она вдруг ~~сложила~~ / **уложила** ручки и, всхлипывая, задыхаясь, всё бежала сбоку.

3. Рассердился вследствие того вывода, что если я уже решил, что в нынешнюю ночь с собой ~~закончу~~ / **покончу**, то, стало быть, мне всё на свете должно было стать теперь, более чем когда-нибудь, всё равно.

4. От знакомства я, конечно, ~~уклонился~~ / **склонился** с самого начала, да ему и самому скучно со мной стало с первого же раза, но сколько бы они ни кричали за своей перегородкой и сколько бы их там ни было, — мне всегда всё равно.

5. Право, я не умею лучше ~~отдать~~ / **передать** этого моего мимолётного ощущения, но ощущение продолжалось и дома, когда уже я сидел за столом, и я очень был раздражён, как давно уже не был.

6. Сны, как известно, чрезвычайно странная вещь: одно представляется с ужасающей ясностью, а через другое ~~отскакиваешь~~ / **перескакиваешь**, как бы не замечая вовсе, например, через пространство и время.

7. Ну и пусть сон, и пусть, но эту жизнь, которую вы так перевозносите, я хотел погасить самоубийством, а сон мой, сон мой, — о, он ~~подсказал~~ / **предсказал** мне новую, великую, обновлённую, сильную жизнь!

8. О, они не расспрашивали меня ни о чём, но как бы всё уже знали, так мне казалось, и им хотелось ~~согнать~~ / **угнать** поскорее страдание с лица моего.

9. Я ждал совершенного небытия и для того застрелил / выстрелил себе в сердце.

10. Я говорил им, что всё это сделал я, я один, что это я им отнёс / принёс разврат, заразу и ложь!

5. Выберите правильный вариант употребления союза, союзного слова, неправильный вариант зачеркните.

Образец: Это было бы повышение в чине, ~~когда-бы~~ / **если бы** я всё ещё не оставался для них таким же смешным, как и прежде.

1. Так что для меня вся моя университетская наука как бы для того только и существовала под конец, **чтобы** / **что** доказывать и объяснять мне, по мере того как я в неё углублялся, что я смешон.

2. Но мне было до того всё равно, что захотелось наконец дожждаться минуты, **когда** / **так как** будет не так всё равно, для чего так — не знаю.

3. Видите ли: **хоть** / **пока** мне и было всё равно, но ведь боль-то я, например, чувствовал.

4. Ведь я потому-то и затопал и закричал диким голосом на несчастного ребёнка, что, «как будто не только вот не чувствую жалости, но теперь и бесчеловечную подлость сделать могу, **чтобы** / **потому что** через два часа всё угаснет».

5. Вопросы были праздные и лишние, **если** / **так как** револьвер лежал уже передо мною, и я всем существом моим знал, что это будет наверное, но они возбуждали меня, и я бесился.

6. Одним словом, эта девочка спасла меня, **потому что** / **хотя** я вопросами отдалил выстрел.

6. Подберите синонимы к словам.

Образец: Сердиться = злиться

Истина = ...

Тосковать = ...

Глядеть = ...

Башмаки = ...

Рассудок = ...

Озноб = ...

Очутиться = ...

Негодование = ...

Бытие = ...

Слова для справок: существование, смотреть, ум, гнев, дрожь, правда, грустить, оказаться, ботинки.

7. Подберите антонимы к словам.

Образец: Мелкий ≠ крупный

Сырость ≠ ...

Укрепляться ≠ ...

Рассвет ≠ ...

Засыпать ≠ ...

Загореться ≠ ...

Ласковый ≠ ...

Невинный ≠ ...

Рай ≠ ...

Прозреть ≠ ...

Прежний ≠ ...

Слова для справок: ослепнуть, грешный, сухость, нынешний, ослабевать, угаснуть, просыпаться, закат, грубый, ад.

8. Выберите подходящие по смыслу слова, неправильный вариант зачеркните.

Образец: Но с тех пор как я стал **молодым** / **младшим** человеком, я хоть и узнавал с каждым годом всё больше о моём ужасном качестве, но почему-то стал немного спокойнее.

1. Право, это обнаруживалось даже в самых **мелочных** / **мелких** пустяках: я, например, случалось, иду по улице и натыкаюсь на людей.

2. Там жил отставной капитан, а у него были гости — человек шесть **презренных / презрительных** людей, они пили водку и играли в карты.

3. Вопрос был **праздничный / праздный**, но я рассердился.

4. Я знал, что оно имело как бы облик **человеческий / человеческий**.

5. Трава сверкала яркими **ароматными / ароматическими** цветами.

6. И однако, если бы только могло так случиться, чтобы они возвратились в то **невиновное / невинное** и счастливое состояние, которое они утратили, и если бы кто вдруг им показал его вновь и спросил их, хотят ли они возвратиться к нему? — то они, наверное, бы отказались.

7. Явилось рабство, явилось даже **добровольное / добровольческое** рабство: слабые подчинялись охотно сильнейшим, с тем только, чтобы те помогали им давить ещё более слабых, чем они сами.

8. **Живой / Животный** образ того, что я видел, будет всегда со мной и всегда меня поправит и направит.

9. Вспомните употребление полных и кратких прилагательных / причастий. Выберите правильный вариант, неправильный вариант зачеркните.

Образец: Но тут я сам был **виноват / виноватый**, я всегда был так горд, что ни за что и никогда не хотел никому в этом признаться.

1. Комната у меня была **бедная / бедна** и маленькая, а окно чердачное, полукруглое.

2. Право, я не умею лучше передать этого моего мимолётного ощущения, но ощущение продолжалось и дома, когда уже я сидел за столом, и я очень был **раздражён / раздражённый**, как давно уже не был.

3. Между тем с ним происходят во сне вещи совсем **непостижимые / непостижимы**.

4. Они не желали ничего и были **спокойные / спокойны**, они не стремились к познанию жизни так, как мы стремимся познать её, потому что жизнь их была восполнена.

5. Они указывали мне на звёзды и говорили о них со мною о чём-то, чего я не мог понять, но я **убеждённый / убеждён**, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звёздами, не мыслью только, а каким-то живым путём.

6. А между тем ведь это только — **старая / стара** истина, которую биллион раз повторяли и читали!

10. Вставьте пропущенные слова. Используйте слова для справок.

Когда я на улице ... про газ, то взглянул на небо. Небо было ужасно тёмное, но явно можно было ... разорванные облака, а между ними бездонные чёрные пятна. Вдруг я ... в одном из этих пятен звёздочку и стал пристально глядеть на неё.

Это потому, что эта звёздочка ... меня на мысль: я решил в эту ночь убить себя. У меня это было твёрдо решено ещё два месяца назад, я был беден, но купил прекрасный револьвер и в тот же день ... его. Но прошло уже два месяца, а он всё лежал в ящике; но мне было до того всё равно, что захотелось наконец дождаться минуты, когда будет не так всё равно, для чего так — не знаю. И, таким образом, в эти два месяца я каждую ночь, возвращаясь домой, думал, что Я всё ждал минуты.

Слова для справок: различить, застрелиться, заметить, подумать, зарядить, навести.

11. Прочитайте план текста и продолжите его. Перескажите рассказ по плану.

1. Главный герой рассказывает о своём детстве, юности, взаимоотношениях с людьми и объясняет, почему он является смешным человеком.

2. Возвращаясь домой, «смешной человек» видит в небе звёздочку и принимает решение убить себя, после чего встречает напуганную маленькую девочку, которая пытается привлечь его внимание.

3. Придя домой, «смешной человек» размышляет о встрече с маленькой девочкой и незаметно для себя засыпает.

4. ...

5. ...

6. ...

12. Давайте обсудим.

1. Какого человека можно назвать смешным? Почему главный герой считал себя смешным?

2. Почему автор называет этот рассказ фантастическим?

3. Что заставило «смешного человека» отказаться от мысли о самоубийстве?

4. Что, по мнению автора, является основой всеобщего счастья, гармонии?

5. Как вы считаете, возможен ли рай на земле?

6. Какие другие произведения, в которых описываются сны героев, вы знаете?

Контрольная матрица

1	А	Б	В
2	А	Б	В
3	А	Б	В
4	А	Б	В
5	А	Б	В
6	А	Б	В
7	А	Б	В
8	А	Б	В
9	А	Б	В
10	А	Б	В
11	А	Б	В
12	А	Б	В
13	А	Б	В
14	А	Б	В
15	А	Б	В
16	А	Б	В
17	А	Б	В
18	А	Б	В

Учебное издание

Достоевский Фёдор Михайлович

СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

Книга для чтения с заданиями
для изучающих русский язык как иностранный

Редактор *Н.А. Еремина*
Корректор *О.Ч. Кохановская*
Вёрстка *А.В. Лучанская*

Подписано в печать 22.08.2017. Формат 60×90/16

Объем 3 п.л. Тираж 500 экз. Зак. № 890

Издательство ООО «Русский язык». Курсы
125047, Москва, 1-я Тверская-Ямская ул., д. 18
Тел./факс: +7(499) 251-08-45, тел.: +7(499) 250-48-68
e-mail: russky_yazyk@mail.ru; rkursy@gmail.com; ruskursy@gmail.com
www.rus-lang.ru

Все права защищены. Книга или любая её часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или её части без согласия издателя является незаконным и влечёт уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

КЛАСС!ное чтение

Книги для чтения
с заданиями

для изучающих русский язык как иностранный

В серии «Класс!ное чтение» вышли книги:

A1

Житков Б.С. О людях и животных

A2

Куприн А.И. Слон
Суслин Д. Валентинка
Суслин Д. Цирк приехал
Бокова Т. Истории о животных
Распутин В.Г. Уроки французского
Тургенев И.С. Ася
Зощенко М.М. Рассказы для детей

B1

Куприн А.И. Белый пудель
Погорельский А. Чёрная курица, или Подземные жители
Грин А.С. Алые паруса
Казаков Ю. Голубое и зелёное
Куприн А.И. Олеся
Беляев А.Р. Человек-амфибия
Куприн А.И. Гранатовый браслет
Толстой Л.Н. Анна Каренина
Чехов А.П. Рассказы о любви
Крюкова Т. Человек нового типа
Беринг Т. Волонтёры
Бунин И.А. Солнечный удар
Чехов А.П. Мои жёны
Пушкин А.С. Дубровский
Крюкова Т. Дневник Кото-сапиенса, или Кота Разумного
Емец Д. Подвиг во имя любви (*Готовится к печати*)

B2

Шмелёв И.С. Мой Марс
Достоевский Ф.М. Преступление и наказание
Гончаров И.А. Обломов
Гоголь Н.В. Портрет
Достоевский Ф.М. Белые ночи
Тынянов Ю.Н. Подпоручик Киже
Аверченко А.Т. Знарок женского сердца
Горький М. Рассказ об одном романе
Андреев Л.Н. Два письма
Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки для взрослых

C1

Толстой Л.Н. Отец Сергей
Толстой А.К. Встреча через триста лет
Достоевский Ф.М. Скверный анекдот

СПб Дом Книги 01.30.11.02.

272,00

"Сон смешного человека".
Ф. М. Достоевский. Серия.

В книге представлен фантастический рассказ «Сон смешного человека» великого русского писателя XIX века Ф.М. Достоевского.

Молодой человек принял решение застрелиться из пистолета. Так и не решившись на роковой шаг, он неожиданно уснул. В сновидении он увидел необычный идеальный мир. Когда он проснётся, ему предстоит сделать выбор, что делать дальше.

РЯ
РУССКИЙ ЯЗЫК
КУРСЫ

Сайт
издательства:

Уровни владения русским языком

A0–A1	— до 500 слов
A1	800
A2	1300
B1	2300
B2	6000
C1	12 000